

Дмитрий
Иванов

ЕСЛИ БЫ...

ПРОЛОГ

В прокуренной и давно не видевшей ремонта комнате сидели двое. Обоим мужчинам было немногим за сорок, чего никак не скажешь по их внешнему виду. Помятые жизнью и алкоголем они выглядели на все пятьдесят. Однако в отличие от гостя в хозяине квартиры ещё проглядывались манеры бывшего интеллигента. Последний, проработав более 10 лет в областной газете, сам не заметил, как пристрастился к зелёному змию и окончательно спился. Дело дошло до того, что вместо имени он приобрёл себе прозвище Кагорыч, которое получил за кражу кагора из местной церкви. У его же гостя и вовсе было прозвище Плинтус. Последний всю свою жизнь проработал на стройках, где выпивка после рабочего дня была обычным делом. Своё же нынешнее имя он получил за то, что накануне сдачи объекта выменял все плинтусы на самогон. Познакомились Кагорыч с Плинтусом у рюмочной всего лишь несколько дней назад, но общая любовь к спиртному сделала их неразлучными с первой же бутылки. Как-то само собой так получалось, что вместе они всегда могли сообразить, где и как достать выпивку. Вот и сегодня, пошарив в пепельнице и найдя там два приличных окурка, они благостно затянулись и принялись пересчитывать имевшуюся мелочь.

– Эх, сколько не считай, а на похмелье всё равно не хватит, – вздохнул Плинтус и посмотрел на Кагорыча, – что делать-то будем?

– А день какой сегодня? – вопросом на вопрос ответил хозяин квартиры.

– Да вторник с утра был.

– А число?

– Кажись пятое, а что?

– Слушай, – просиял вдруг Кагорыч, – пойдем к Слепому, он сегодня должен получить пособие по инвалидности.

– А что за Слепой такой? Его зовут так или он на самом деле слепой?

– Два в одном, сам увидишь. Пойдем скорее, пока он трезвый.

– А как он к этому делу относится? – щёлкнул себя щелбаном по шее Плинтус.

– Да мы по сравнению с ним трезвенники.

– Он что, совсем ничего не видит?

– Абсолютно.

– С рожденья?

– Нет, где-то года три-четыре, считай.

– И после этого он забухал?

– Нет, пить он начал давно, а с тех пор как собака сухожилие ему на руке поврвала, совсем сорвался. Допился до того, что пришлось свой дом на квартиру поменять. В общем, живет он сейчас совсем один. Дочка в детдоме, а жена прошлой зимой пьяная в сугробе замерзла. А началось все с дермантина...

– Это как?

– Пойдём, по дороге расскажу...

ЧАПА

Чапа, мохнатая с кудряшками на впалых боках дворняга, радостно увивалась около своего хозяина. Его большие ласковые руки держали двух щенков. Собака от переизбытка чувств то лизала свое потомство, то подпрыгивала, пытаясь лизнуть хозяина, то вдруг начинала лаять и во весь дух носиться по двору. Выраженьё большого собачьего счастья было в каждом её движении.

Наутро, накормив щенят, Чапа выбежала на улицу. Ну, теперь-то все окрестные собаки узнают, что у неё есть то, чего нет у Альфы – большой, зазнавшейся овчарки из дома напротив. И пусть она даже не пытается не то, чтобы понюхать, но и приблизиться к её щенкам. Они её и только её. Разве может знать эта холеная и вредная сука, как это приятно, когда к твоему брюху прижимаются два маленьких и теплых родных комочка.

Побежав по улице и побрехав с соседними моськами, Чапа с гордым видом превосходства прошествовала мимо ворот, из-под которых торчали нос и бегающие злые глаза овчарки. Но очутившись у себя во дворе, она вдруг ясно ощутила тревогу. Обегав и обнюхав весь двор и огород, Чапа даже взвизгнула и заскулила от отчаянья: щенков нигде не было. Был только запах, запах тех, за кого она готова отдать всё-всё и даже ту куриную косточку, которую на прошлой неделе закопала под лопухами. Не веря своим глазам, бедная дворняга всё бегала и бегала, нюхая землю, пока вдруг не почувяла такой привычный запах хозяина. “У него! Они у него!” – если б смогла, закричала она. Но, только тявкнув от радости, подбежала к хозяйской двери и стала отчаянно скрестись в нее: “Я здесь! Я пришла!” Но хозяин всё не выходил и не выходил. И когда он появился, вся нижняя часть двери, а вернее, дерматин, покрывавший её, был излохмачен собачьими когтями. Забегав вокруг хозяина, Чапа, визжа и лая, стала обнюхивать его ноги, приседать и прыгать и, радостно виляя хвостом, доверчиво заглядывать в его умные глаза. Но он, сердито глянув на преданную собаку и на испорченную дверь, вдруг схватил стоявшую рядом лопату и ударил ею по спине дворняги. Заскулив от жгучей боли и накотившего страха, Чапа резко отскочила в сторону, а в нее, присевшую от такой чудовищной неожиданности, с большой силой полетел подпирающий дверь кирпич и больно ударил по передним лапам. Заскулив ещё громче, сильно припадая на перебитые лапы, Чапа заковыляла к дальнему сараю и спряталась за строительным хламом.

Тихо поскуливая, убитая горем дворняга смотрела на свои распухшие лапы, и из её больших и печальных глаз медленно катились слёзы. Собака плакала...

Собака плакала и никак не могла понять, чем же она так сильно провинилась. Ну ладно, он мог бы накричать на неё или даже слегка ударить веником, но только ни лопатой и кирпичом...

В её собачьей памяти ещё свежи были события двухдневной давности, когда её хозяин тем самым кирпичом размозжил головы Мурке и трем её котяткам. Нет, Мурку он трогать не собирался, он даже не ожидал, что всегда покорная кошка осмелится броситься на его руку, сжимающую кирпич. Глубоких, рваных царапин хозяин ей не простил. А потом была лопата... Чапа видела, как эта уродливая палка вырыла глубокую яму в огороде и столкнула туда котят и саму Мурку. С этого времени собака стала очень настороженно ходить мимо этих страшных предметов.

В сарай, где неподвижно лежала Чапа, сначала прокрались летние сумерки, а затем сквозь широкие щели пробилось плоское сияние луны. Время шло, а она всё ждала и надеялась, что вот-вот придет хозяин и, потрепав её немного за уши, отнесёт к щенкам. Так, лёжа наедине со своими мыслями и немного при-тупившейся болью в лапах, Чапа вдруг чётко услышала тонкое мяуканье и возню в другом углу сарая. Громко тьякнув, скорее по привычке, чем из надобности, она увидела выбравшегося из старого вороха тряпок чёрного котенка, который, заметив Чапу, радостно побежал к ней. Острый собачий глаз сразу узнал в нём котёнка Мурки. "Так их было четверо", – сообразила дворняга, и что-то очень похожее на сострадание, дрогнуло в её сердце.

Почти трое суток голодный котёнок ждал свою мать и теперь, почуяв запах молока, подбежал к Чапе и жадно ткнулся в сосок. Всем своим нутром собака почувствовала, как она необходима этому маленькому и никому не нужному в таком большом мире котёнку. Чапа догадывалась, что своих щенков ей уже не увидеть, и это чувство потери и одиночества помогло ей проникнуться нежностью и заботой к совсем чужому существу. Ещё час назад она была готова умереть с голода, но сейчас, когда жизнь котёнка стала напрямую зависеть от её жизни, всё изменилось.

Дождавшись, когда он насосется молока, Чапа медленно, лежа на левом боку, поползла через весь огород к своей миске. Сырая после полива земля лезла ей в нос и уши, задние ноги вязли в чёрной почве, и каждый раз при неверном движении её пронзала острая боль в передних лапах. Но она, упорно толкая свое тело здоровыми конечностями и загребая мордой землю, продолжала ползти. И каково же было её отчаянье, когда после нескольких часов невероятных, несобачьих усилий Чапа оказалась у совершенно пустой и теперь такой ненавистой миски. Взвзвить, о, как же ей захотелось взвзвить, да так, чтобы разом всё кончилось, чтобы треснула пополам эта проклятая луна, и весь мир рухнул во мрак, но... Скоро, совсем скоро ей надо накормить котёнка, такого же одинокого, как она. Чапа помнила о своей закопанной косточке, но ползти в другую сторону огорода, к зарослям лопухов, а затем ещё и в сарай уже не было сил. И всё равно, преодолевая боль и усталость, она поползла. Ей очень хотелось остановиться и передохнуть, и даже капельку поспать, но нельзя: не было времени. И лишь когда собака доползла до заветного места, она позволила себе перевести дух и потом медленно стала разрывать носом землю. Роя яму и кляня себя за то, что так глубоко закопала косточку, Чапа даже не заметила, как наступил рассвет, и неожиданно сзади с кирпичом и лопатой в руках подошёл хозяин...

Четыре дня спустя, насвистывая себе под нос весёлую мелодию, из дома вышел человек и, пробежав взглядом по огороду, неожиданно заприметил что-то черное на земляном холмике. Подойдя к месту, где совсем недавно была захоронена нерадивая, посмевшая испортить его дверь собака, он увидел котёнка. “Наверное, с голода сдох”, – пробурчал хозяин и, запнув подальше в кусты мёртвое тельце, покинул двор. А там, на улице, просыпалась жизнь. И Чапа не могла знать того, что соседская овчарка Альфа, которую она так ненавидела, спустя минуту сорвётся с цепи и бросится на её хозяина.

О, если бы она только могла, то даже с перебитыми лапами, пусть ценою собственной жизни, но она бы ни за что и никогда не позволила бы кому бы то ни было вонзить клыки в своего хозяина...

– Ну, ничего себе, – произнёс поражённый рассказом Плинтус, – не зря ты журналистом работал. Тебе бы книжки писать. Не пробовал?

– Было дело, да как-то вот до типографии не дошло, – с каким-то обречённым унынием в голосе ответил Кагорыч.

– Слушай, а ослеп-то он почему?

– Потому что рос сиротой.

– Он что, детдомовский?

– Да не он. Хромоножка...

ХРОМОНОЖКА

Хромоножка рос сиротой. Родителей, бросивших его ещё в раннем детстве, он помнил очень смутно, хотя часто тосковал по ним. Жил Хромоножка на чердаке кирпичного пятиэтажного дома, что было для него большой удачей. И как тут не почувствуешь себя везунчиком, когда есть возможность пережить зиму в тепле. Когда можешь жить и не бояться, что в любой момент тебя выгонят на мороз, а вход на чердак заколотят досками. Свой предыдущий дом Хромоножка вспоминал с ненавистью. Но больше всего он ненавидел живших в нём Генку и Ваську. Генку он ненавидел за то, что тот постоянно гонял его и обзывал хромоножкой, а Ваську за то, что по его вине получил это обидное прозвище. Но ненавидеть Ваську причин было больше: это именно он повредил ему ногу.

Жители нового дома были людьми добрыми и частенько подкармливали Хромоножку. Но мир не без плохих людей... Его маленькое счастье омрачала пьющая дворничиха тетка Верка. Сварливая сорокапятилетняя женщина очень часто забирала у Хромоножки пищу и выбрасывала её в мусорный бак. Но когда она уходила в запой, становилась доброй, переставала кричать и иногда кидала ему хлеб.

Сегодня у Хромоножки было очень хорошее настроение: он познакомился с девочкой Олей, поселившейся не так давно в его пятиэтажке. Оля училась во втором классе и была самым добрым человеком на свете. Познакомились они только утром, а он уже успел основательно к ней привязаться. Хромоножка, примостившись около чердачной отдушины, смотрел на мерцание звёзд и, наверное, в сотый раз вспоминал их знакомство. Ещё никто и никогда в жизни до сегодняшнего дня не приглашал его в гости. Оля, увидев слоняющегося по двору Хромоножку, открыла настежь окно и позвала его к себе.

Самым уютным местом в квартире был уголок, который устроила для себя Оля за большой железной кроватью. Там как раз хватало места для маленькой тумбочки и стульчика, на котором сидела одноглазая кукла. К сожалению, родители девочки были такими же пьющими, как и тётка Верка, и это было отчетливо видно по ободранным обоям и старой разваливающейся мебели. Но в квартире почти всегда было чисто, за исключением только кухни, где Оля просто не успевала убирать. Буквально накануне знакомства с Хромоножкой её избил отец за то, что она на деньги от сданных пустых бутылок купила себе шоколадное мороженое и тем самым лишила отца возможности взять дешевого портвейна. Хромоножка и Оля были очень рады знакомству. Они понимали друг друга без слов. Покормив своего нового друга, девочка достала из своей тумбочки потрепанную книжку и стала вслух читать сказки о добрых феях. Больше всего в жизни она мечтала стать волшебницей и сделать всех на свете счастливыми. Сделать так, чтобы никогда не было пьяных родителей и чтобы они всегда покупали своим детям мороженое.

Проснувшись рано утром, Хромоножка первым делом шмыгнул во двор, к окну заветной квартиры, и к великой радости увидел Олю. Заметив Хромоножку, девочка обрадовалась не меньше и вновь пригласила его к себе в гости. И всё было, как вчера: она читала сказки, а он внимательно, с замиранием сердца слушал её приятный голос. Но тут вернулись уже порядком подвыпившие родители, и, пинком открыв дверь, отец ввалился в комнату девочки. Испуганным зверьком Оля прижалась к стене, вздрагивая от каждого его жеста. Забившись от страха в угол, Хромоножка смотрел, как пьяница заплетающимся языком начал всё сильнее и сильнее кричать на неё, а затем неожиданно ударил по лицу. Потом ещё и ещё раз, пока вдруг гонимый всеми Хромоножка не бросился на защиту друга. Со всей ненавистью и силой он вцепился в это пьяное и противное лицо, но отец девочки сильно, наотмашь ударил его так, что Хромоножка, стукнувшись о стену, упал на пол. Но, не испугавшись, он нашел в себе силы броситься на него снова. И вновь мощным ударом был отброшен к стене. Пока не закружилась голова и не потемнело в глазах, Хромоножка несколько раз храбро бросался на обидчика своего друга...

Вечером того же дня врач скорой помощи за ужином рассказывал своей жене о необычайном происшествии. Она слушала и не могла поверить в то, что из всего необъятного мира на помощь беззащитной девочке пришёл только один маленький хромой воробей, который, прежде чем испустить дух, успел изрядно повредить пьяному убийце глаза.

Но врач почему-то запомнил не страдания ослепшего пьяницы, а огромное, вселенское горе девочки, сжимавшей мёртвое тельце птички. И никто никогда не узнает, что эта смерть была избавлением, что Хромоножка наконец-то попал в тот мир, где нет ни кога Васьки, перекусившего ему ногу, ни мальчишек с рогатками, таких, как Генка. А самое главное – там никогда не будет пьяных дворников, сметающих в мусор хлебные крошки. Но если бы у Хромоножки был выбор, то он, не задумываясь, отдал бы всё это за то, чтобы снова быть вместе со своим единственным другом...

– Слушай, Кагорыч, ну ты и талантище, – сказал с восхищением Плинтус, – тебе точно надо книжки писать.

- Да уж, – как-то подавленно ответил Плинтус, – только вот у неё на нас совсем другие планы.
- Это у кого ещё?
- Да у судьбы-злодейки.
- Нет, Кагорыч, чтобы ты ни говорил, но мы сами виноваты в своих бедах.
- Ты только этого не вздумай Слепому ляпнуть.
- Почему?
- Потому что Мурка уже ничего изменить не сможет.
- Это как ещё?
- Да очень просто...

МУРКА

Откуда придёт беда, Кэт не понимала, но предчувствие чего-то страшного с каждым днём становилось только явственней. Однако когда несчастье постучалось в её жизнь, она долго не могла смириться со случившимся. Усердно мяукая и толкая пушистой лапкой свою хозяйку, Кэт отчаянно пыталась её разбудить. Бабка Агафья умерла во сне, не дожив до своего 90-летия всего несколько дней.

Кэт была молодой и красивой кошкой, успевшей принести всего одно потомство. Жилось пушистой красавице у бабки Агафьи тепло, уютно и сытно. И хозяйка, и кошка души не чаяли друг в друге. Больше всего в жизни Кэт нравилось лежать на коленях своей хозяйки и тихо мурчать, когда та смотрела телевизор.

Смерть бабки Агафьи была только первым ударом в её кошачьей судьбе. Буквально на второй день после похорон объявившиеся неизвестно откуда наследники выставили кошку за дверь. Трое суток Кэт не отходила от родного порога. Может, она так бы и жила дальше в подъезде, где её подкармливали сердобольные жильцы дома, но новым хозяевам такое соседство пришлось не по душе. И однажды утром они засунули Кэт в мешок и отдали знакомому водителю-дальнобойщику, чтобы он увёз её в другой город.

Очутившись на новом месте, Кэт сначала хотела вернуться домой, но неожиданная встреча с бродячей собакой изменила её планы. Оставленные раны были настолько тяжелы, что кошка лишь чудом смогла добраться до подвала ближайшей многоэтажки. Почувяв приближение неизбежного, Кэт смиренно стала ожидать своей участи. И тут произошло непредвиденное. Спустившись в подвал по какой-то надобности, один из жильцов заметил умирающую Кэт. Худая, облезлая и обессиленная, со слезящимися глазами кошка лишь слабо мяукнула, когда мужчина взял её на руки...

Николаю было чуть больше тридцати, но он, как и Кэт, тоже успел понести тяжёлую утрату. В этот день он как раз справлял годовщину по погибшим в автокатастрофе жене и сыну. Усыпить кошку по совету ветеринара Николай отказался. И благодаря его заботе и стараниям после долгих изнурительных недель лечения Кэт пошла на поправку. А ещё через время к кошке вернулись былая красота и грация. Каждый вечер она встречала хозяина с работы, а потом неотступно ходила за ним по квартире и с урчанием тёрлась о его ноги. Единственное, к чему не могла привыкнуть Кэт, так это к своему новому имени – Мурка, в остальном же всё было просто прекрасно, пока не грянул декабрь 1991 года...

Конечно, кошка ничего не смыслила в жизни людей и какой-то там большой политике, которая больно ударила и по её судьбе тоже. Осколками от рухнувшей некогда мощной империи – Советского Союза посекло миллионы судеб. Многие русские, которые вдруг стали гражданами других государств, начали продавать своё имущество и уезжать на историческую родину. Поддавшись всеобщему настроению, Николай также решил на переезд, о чём позже очень пожалеет. Многим из тех, кто не смог или не захотел приспособиться к новым российским условиям, оставалось два выхода: пить горькую вместе со всеми или вернуться назад. И последних было не мало. Переезжий народ оседал в основном в посёлках городского типа, районных центрах и деревнях. Купить квартиру или дом в городе могли себе позволить лишь немногие. Местные жители были не очень рады новым соседям, и прижиться там было большой проблемой. И это не удивительно, ведь народ ехал образованный, работающий и по большей части не пьющей, что зачастую было в диковинку.

Возвращались в Россию, как правило, потомки тех, кто когда-то поднимал целину, строил города и заводы по комсомольским путевкам, а также дети и внуки тех, кто был сослан в коллективизацию и во времена сталинских репрессий, либо эвакуирован во время войны. Николай попал в волну уезжающих, что активно стали заселять просторы Алтайского края. Терять ему по большому счёту было нечего, был он детдомовский. Сев в поезд и заплатив проводнику за провоз Мурки, Николай в последний раз взглянул в сторону уходящего перрона родного города.

И надо же было такому случиться, что первая же ночь в пути принесла в их жизнь очередную трагедию. Было уже далеко за полночь, когда проводник вагона, узнав, что на линии контроль, на ближайшей остановке выставил на перрон закрытую в дорожной сумке Мурку. Рано утром, не обнаружив в купе своей кошки, Николай побежал к проводнику, но тот лишь с виноватым видом вернул ему деньги.

Очутившись на пустом полустанке, Мурка сначала долго и жалобно мяукала вслед уходящему поезду, а потом изо всех сил начала царапать и грызть сумку. Желание догнать уходящий поезд было настолько сильным, что она даже не чувствовала боли в окровавленных лапах. Освободившись из проклятой сумки, кошка кинулась по шпалам за своим хозяином. Мурка бежала до тех пор, пока не выбилась из сил. Она знала, что ей никогда уже не догнать этот безжалостный поезд, увозящий ее друга, но знала она ещё и то, что вопреки всему найдёт его.

Два года... Через целых два года, скитаясь по городам и весям, наперекор всем напастям, ободранная и полуголодная Мурка всё-таки нашла заветную дверь. Почуввав до боли знакомый запах своего спасителя, кошка радостно и призывно замыкала. Открыв дверь, Николай не поверил своим глазам: на пороге сидела его Мурка. Взяв на руки свою любимицу, он почувствовал, как к его щетинистой щеке прижалось тёплое, пушистое и усталое счастье.

За те два года, что Николай прожил в Алтайском крае, он крепко встал на ноги. Работающий мастер на все руки быстро обзавёлся собственным хозяйством. Конечно, до крупного фермера ему было далеко, но и бедствовать тоже не приходилось. Более того, ему удалось скопить солидную по тем временам сумму и приобрести автомобиль. Самое время было жениться, но Николай пока только присматривался к возможным кандидатурам. Не прошло и трёх месяцев с тех пор,

как Мурка вновь обрела своего хозяина, как в их жизнь пришла очередная беда. Зависть к хозяйственному мужику тех, кто из-за постоянного пьянства жил из рук вон плохо, сделала своё чёрное дело: как-то ночью дом Николая подожгли...

Его жилище и приусадебные постройки вспыхнули моментально. Проснувшись от удушающего дыма и сообразив в чём дело, Николай, быстро схватив документы и деньги, выскочил во двор. Увидев, что тушить дом уже не было смысла, мужчина обреченно присел на лежавшее во дворе бревно. Глядя на жадные и ненасытные языки пламени, он вдруг услышал жалобное мяуканье своей кошки. Мурка стояла на крыше, охваченной огнём со всех сторон. Схватив лестницу, Николай приставил её к углу дома и быстро забрался наверх, но только он взял кошку, как крыша под ним начала обваливаться. Падая, он успел немного оттолкнуться в сторону и отбросить Мурку подальше от пожарища. Кошка была спасена, но сам хозяин, если бы не прибывшие пожарные, наверняка бы не выжил, так как свалившаяся чердачная балка сильно ударила его по голове и он, потеряв сознание, упал в горящий дом.

Два месяца с сильными ожогами и черепно-мозговой травмой Николай пролежал в больнице. Мурку на это время приютила соседка. Выписавшийся из больницы погорелец переехал жить в другую область. Купив себе небольшой дом на окраине города, Николай устроился на завод электриком. Не пьющий даже по праздникам, он вдруг начал выпивать. Мурке это очень не нравилось, так как её хозяин становился злым и агрессивным. Перенесённая травма изменила его навсегда. А спустя ещё какое-то время Николай привёл домой женщину. Она была не очень хорошей хозяйкой, зато любительницей «накатить по маленькой». К тому же новая хозяйка на дух не выносила Мурку.

Нет, пили муж с женой не каждый день, но после получки на длительное время уходили в запой. В эти дни кошка в дом старалась не заходить. В дни же просветлений ее существование было вполне сносным, ей порою даже казалось, что всё не так уж и плохо, особенно после того, как хозяйка родила девочку Олю. К тому же у Мурки появился новый друг – дворняга по имени Чапа.

Резкие изменения в жизни Мурки начались с появлением котят. Заметив, что кошка затяжелела, хозяйка перестала пускать её в дом. Окатилась кошка в старом сарае. Вновь обретенные материнские чувства неожиданно для Мурки принесли давно забытую радость. Но это длилось не долго. Не прошло и месяца, как однажды пьяный и взбешенный ссорой с женой хозяин пришёл в сарай к Мурке и забрал её детёнышей. Топить котят, как того требовала жена, Николай не стал. Покончить с ними он решил сразу, для чего взял кирпич и лопату. Кошка почувяла, что к ней пришла непоправимая беда, но до последнего момента не понимала, как тот, кому она была предана до испуга, сможет поднять руку на её малышей. Да, он стал грубым и нелюдимым, но ведь это он дважды спасал её от неминуемой смерти.

Когда Николай сильным и резким ударом размозжил голову сначала одному, а потом второму котёнку, Мурка только на третьем взмахе бросилась на его безжалостную, сжимающую кирпич руку. Со всей силой она впиалась когтями в когда-то любимую, а теперь ненавистную ей руку...

Чёрная пелена, мгновенно окутавшая Мурку, медленно расплзлась, и кошка вдруг увидела, что стоит на сказочной радуге, а около её лап снуют котята. Она даже не сразу осознала, что ничего не чувствует, кроме тихого умиротворения и

полного покоя вокруг. Неведомо откуда она поняла, что там – в конце радуги – её ждёт одинокая старушка. И там будет всё то, чего Мурка была лишена при жизни. Там она вновь станет любимой кошкой бабки Агафьи по имени Кэт...

И всё было бы прекрасно, если бы не одно «но». Кэт не могла забыть загубленную жизнь Николая. Как один из самых добрых и заботливых людей на свете стал жестоким и бесчеловечным алкоголиком, чужим даже для собственной дочери? Эта его безмерная жестокость стоила ему искалеченной руки и полной слепоты... Конечно, Кэт была не первым звеном в череде страшных бед и испытаний, которые обрушились на Николая. Но если бы можно было всё изменить, если бы только она могла вернуться назад, в жизнь, в прошлое, туда, где она стояла на крыше горящего дома... если бы это было возможно, то она ни за что на свете не решилась бы позвать его на помощь...

ЭПИЛОГ

Ошеломлённый больше прежнего услышанным Плинтус с уважением посмотрел на своего нового друга, который остановился у незнакомого подъезда:

– Ну вот и пришли.

– Слушай, Кагорыч, что-то мне не хочется к этому Слепому идти, – неожиданно сказал Плинтус, – может, как-то без него сообразим?

– Я и не против, только где денег найдём?

– Придумаем что-нибудь, не впервой. А Чапу с Хромоножкой и помянуть не грех.

– Да уж, – вздохнул Кагорыч, – и Мурку тоже, хорошие были... люди...

Дмитрий Александрович Иванов родился в 1970 году в г. Джамбуле (Тараз). Работал журналистом в городских и областных изданиях, главным редактором газеты «Южный экспресс», главным редактором газеты «Город 326». С 2005 по 2009 год – член исполкома Конгресса журналистов Казахстана. Возглавлял литературное объединение «Оазис».

Публиковался в литературных альманахах «Оазис-2002», «Оазис-2004», «Тараздын жас таланттары», в альманахе современной поэзии и прозы «Шарманка» (Москва), в журнале «Простор» и другой казахстанской и российской периодике.

За книгу стихов и прозы «И был рыбок» удостоен звания лауреата Международной премии «Филантроп» (Москва, 2014). Победитель республиканского конкурса «Золотое перо Тараза», лауреат поэтического конкурса «Глаголом жги сердца людей...» (Тараз, 2005). Автор книги «Сказание о Таразе», изданной к 550-летию Казахского ханства, в которую вошли поэма «Сказание о Таразе», посвященная 2000-летию родного города, и «Легенда о танцовщице Арзу».

